

логический смысл. Мы должны только усвоить одно: имя есть орудие *смыслового* общения, общения в разуме, в сознании, а не вещественного, не телесного, не материального общения. Оно идет от смысла к смыслу, оно общает одну идею с другой, одно сознание с другим. Оно – ум вещи, явная осмысленность вещи, и оно заставляет все окружающее общаться с умом вещи, с ее смыслом, с ее идеальным содержанием.

Надо помнить то, что мы получили в результате исследования стихию смысла. Смысл, это – бесконечная лестница восхождений и нисхождений от абсолютно алогического к логическому и над-логическому. Смысл вовсе не есть обязательно только интеллектуальный смысл. Это есть только рефлексия, выражаясь языком Гегеля, но рефлексия, добавим мы, по содержанию, абсолютно тождественная с тем, что тут подверглось рефлексии. Потому алогическая стихия сознания может браться в своей природной, естественной нерасчлененности и слепоте и в своей смысловой значимости, и в этом последнем случае без малейшего нарушения ее принципиального и абсолютно неразрешимого алогизма. Так, в музыке мы имеем точнейшую картину стихийного протекания алогических процессов человеческой души, решительно без всякого логического расчленения и оформления; и тем не менее музыка есть сознательное искусство, основанное на четком и вполне научном понимании всех формальных средств этого искусства. Тут алогическая стихия *изобразена*, т. е. поднята в сознание, *осмыслена*, хотя и без малейшей рационализации алогической текучести по ее существу.

Имя *поднимает* вещь, которой оно принадлежит, *в сознание*, осмысливает ее – однако не внося решительно никаких иных способов оформления вещи, кроме тех, которые в ней самой содержатся. Оно просто переносит в сферу смысла всю вещь как таковую, со всем ее алогическим содержанием и со всем ее логосом. В имени “Наполеон” нет ничего иного, кроме того, что есть в самом Наполеоне, хотя это несколько не мешает тому, чтобы понимание этого имени имело в истории свою судьбу и чтобы оно то удалялось, то приближалось по своему содержанию к самому Наполеону. Прежде чем оно будет подниматься так или иначе, правильно или извращенно, оно должно просто *быть*. И в своем непосредственном и нетронутым бытии оно есть только смысловая фиксация самого носителя этого имени, и – больше ничего.

Однако мало и одного смысла. Смысл вещи может более или менее для нее существенным. К смыслу вот этого сорванного мною цветка розы относится, что она красная. Однако роза могла быть и белой. Цвет розы, очевидно, менее существен для нее, чем ботанический спецификум. И вот, что же такое тогда имя?...

III. Имя вещи есть орудие взаимного существенно-смыслового общения ее со всем окружающим

Можно ли представить себе, чтобы имя вещи не было для нее существенно или характерно? Это непредставимо... Имя относится не только к смыслу вещи, но и к *существу* ее, не только к ее смысловым признакам вообще, но именно к *существенным*, к существенно-смысловым ее признакам, к таким ее признакам, свойствам и моментам, без которых данная вещь не может быть самой собою. Имя можно назвать *конститутивным* признаком вещи, *конститутивным* смыслом вещи. Это – то, без чего вещь не может существовать как данная вещь. Поскольку в имени вещи мы общаемся как раз с данной вещью, мы можем иметь общение только с такими ее сторонами, которые для нее *существенны*. Иначе это будет общением не с данной вещью, а с чем-то для нее несущественным и, следовательно, посторонним к ней.

Но идем дальше. Смысл может быть не только существенным или несущественным. Он может еще относиться к живой индивидуальности или к мертвой природе, к бытию отвлеченному.

Наш “существенный смысл” может быть двойным, – *неодушевленным* и *одушевленным*. Можно говорить о смысле камня, дерева, минерала, а можно говорить о смысле животного, человека и их различных типов и видов. Я не буду здесь давать философского и диалектического анализа понятия “жизни”, “живого”, “одушевления”, “души”. Об этом у нас трактует особый очерк. Мне, повторяю, достаточно только указать на общечеловеческий и совершенно очевидный (вопреки научному скептицизму) факт реальности *одушевленных* вещей. Но это требует введения весьма существенного момента в наш анализ природы имени.

Вдумаемся в природу имени. Мы отличаем имя от *слова* вообще. Хотя о чисто словесной природе имени мы будем говорить дальше, но уже сейчас можно сказать, что имя есть, конечно, тоже слово и что это – особое слово. Какое же это слово? Если мы опять-таки постараемся остаться верными общечеловеческому реально-жизненному опыту, то нам станет ясным, что имя относится как раз к *одушевленным* вещам. Имя предполагает *живую*, в той или иной мере одаренную сознанием индивидуальность. Конечно, можно (и у людей часто бывает так) *именовать*, т. е. давать собственное имя, и вещам неодушевленным или одушевленным, но не разумным. Однако это ни о чем не говорит. Интерпретировать в смысле имени можно любой вид действительности. И тут все дело заключается не в том, правильно или неправильно дано имя, а в том, что имя, раз оно дается, несет за собой интерпретацию предмета в смысле *одушевления*, или, как я выражался в своих прежних работах, *интеллигентную* интерпретацию. Имя есть всегда имя *одушевленной* вещи. Имя есть всегда имя *личности* (или ее степени и модификации). Если я называю эту бумагу бумагой, а этот диван диваном, то в собственном смысле это не есть *наименование* предмета. Это *название* вещи, а не имя, нарицательное имя, а не собственное. Имя в настоящем смысле есть всегда *собственное*, а не *нарицательное* имя. Имя есть имя *живой* вещи. Имя само всегда живо. Имя – порождение живых,

взаимообщающихся личностей. Имя вещи есть орудие общения с нею как с живой индивидуальностью. Индивидуальность тут – живая личность, самосознающая вещь, понимающая природу. Смысл имени есть живой и индивидуальный смысл личности. Имя – откровение личности, лик личности, живая смысловая энергия жизненно самоутвержденной индивидуальности. Имя – не название, не простое слово и не термин, не вывеска, не внешний знак, не условный символ. Имя – личностный символ, орудие индивидуально-личных взаимодействий...

VI. Имя вещи есть орудие взаимного понимания между нею и всем окружающим

...Но имя, сказали мы, есть орудие общения с предметами по преимуществу одушевленными и личностными. Поэтому понимание через имя, относясь к личностному предмету, предполагает со стороны предмета и сочувствие чисто личностное же, т. е. тут должен быть не просто реализм внешней выразительности предмета, но и онтология существенного внутреннего сочувствия и внимания. Имя предполагает, что я хочу общаться с предметом, который я понимаю, и оно же необходимо предполагает, что предмет *слышит* это имя, отвечает на мой зов, сочувствует ему, соответствует и ответствует ему. Без этого взаимопонимания именуемого и именуемого не может состояться никакого именования. Самый смысл именования заключается в том, что именуемый сознательно реагирует на это наименование. Иначе имя перестает быть именем. Разумеется, тут не может быть речи о различных *несущественных* моментах реакции вещей на их именование. Можно вполне представить себе такой случай, что я называю ваше имя, а вы, в силу тех или других явлений и событий, забыли свое собственное имя и ничем не отвечаете мне. Это совершенно не относится к делу. Мы говорим тут не о фактах, но о принципах. *Принципиально* же именование всегда рассчитано на то, чтобы именуемое *откликнулось* на это именование. Именуемый знает и понимает именуемое, и именуемое знает и понимает именуемого. Тут – понимание взаимное, обоюдостороннее.

VII. Имя вещи есть смысловая энергия взаимопонимания между вещью и ее окружающим

...Однако, вдумываясь в природу имени, мы замечаем, что мало и этого. Мало говорить, что имя есть модификация смысла и относится к смысловой сфере. Что значит именовать? Не значит ли это *проявлять какую-то силу, затрачивать какие-то усилия, чего-то старательно добиваться?* Несомненно, так. Картина тоже есть какой-то смысл или осмысленная вещь, но она *статична*, она не жива. Ее динамика и ее жизнь, относясь тоже к смысловой сфере, никем сознательно не направляется. Они уже были направлены и оформлены раз навсегда, и отныне они предстоят перед нами

как статическая завершенность. Не то имя. Имя всегда кем-то так или иначе произносится, внутренне или внешне, кем-то двигается, куда-то направляется. Имя есть всегда какая-то *сила*, направленность, стремление, обращение и обращенность. Имя по природе своей *активно*. Вещь пассивна, тверда, неподвижна и пребывает. Имя всегда активно, легкоподвижно, напряженно стремится и действует. Имя всегда есть как бы некие щупальца, активно схватывающие жизнь и осознающие, оформляющие действительность. Кратко говоря, имя вещи всегда есть некая умная или смысловая *энергия* вещи; или, привлекая предыдущее рассуждение, можно сказать, что *имя есть умная энергия взаимодействия вещи с ее окружающим*.

Вещь имеет смысл. Смысл оформляется в поределенное понятие. Понятие *оформляется* в выражение. Выражение делается *словом*... Имя есть *выраженное* или, что то же, принципиально, в принципе *понятое понятие*. И вот теперь, когда этот выразительный смысл, это понимающее общение начинает *активно наступать, осмысленно становиться*, когда смысл превращается в смысловой заряд, в выразительный вервь, в понимательный фермент, в преисполненный жизненных сил зародыш, тогда образуется *слово*. Слово – энергия мысли и осмысляющая сила. Слово – активный напор понимания, динамика выразительного охвата. Слово – не статично, не покойно, не устойчиво. Оно всегда в движении, в энергии, в порождении, в мыслительной активности. Слово вещи всегда стремится как бы отделиться от вещи и уйти в окружающие просторы для многообразных откровений и возвещений о природе вещи, для умных воплощений и отражений вещи, для осмысления и утверждения в якое инобытия по законам соответствующей ему вещи. Слово и имя вещи есть как бы самостоятельный организм, который, будучи порожден и изведен вещью из себя самой, упорно и настойчиво, эластично и энергично, остро и сильно, наподобие невидимого заряда, распространяется по широкому полю инобытия, незаметно носится среди вещей, осеменяя и оплодотворяя собою все существующее по законам данной вещи. Имя вещи есть *смысловое семя* вещи, которое, попадая на тучную почву инобытия, порождает и утверждает новые вещи – того же, конечно, имени и, следовательно, того же смысла, того же типа, того же существа. Имя вещи – смысловой зародыш вещи, активно принуждающий вещи к появлению и росту, хотя сам он и не есть вещь и, для своего успеха, уже предполагает вещественное инобытие. Таким образом, можно с полной определенностью и достоверностью сказать, что природа имени *магична* в самом последнем своем существе. Магия ведь и есть не что иное, как изменение бытия силою одного слова, преобразование и самосоздание вещей невещественной жнергией одних имен. Знать правильные имена вещей значит уметь владеть вещами. Уметь владеть именами значит мыслить и действовать магически.

VIII. Имя вещи есть потенциальная смысловая энергия взаимопонимания вещи с ее окружающим

Вместе с тем справедливость заставляет признать, что имя, будучи умной энергией вещи, не есть энергия, сама по себе действующая, независимо от вещи или от ее окружения. Вернее, нужно сказать, что имя *может* стать энергией, как и семя не есть ведь уже просто самый организм или его рост. Семя не есть еще даже и появление организма, и зародыш не есть еще и зарождение. Семя есть *возможность* зарождения, то, без чего не может состояться зарождения. Имя также есть не сама активность соответствующего осмысления, общения, оформления вещи или ее окружающего, но – только *потенция* всего этого. Мы ведь и говорили выше, что это – *заряд* смысла и понимания, *охват* выражения и формы. Но для заряда и охвата нужен еще материал, вещественность, инобытие, то поле и арена, где состоится взрыв и охват. Имя ведь невещественно, умно, идеально. Оно потому и есть только потенция, потенциальная энергия. Стоит только *воспользоваться* им, *пустить* его в определенном направлении, как оно начинает приводить нас к общению с вещами и всем миром, к пониманию и уразумению действительности, к умному овладению собою и всем бытием. Имя – великая сила и неубывающая энергия, не это – сила в возможности и энергия в потенции. Оно ждет, чтобы разрешиться от груза наполняющих его энергий. Оно переливает через край своими смысловыми возможностями и готово излиться наружу, пребывая, однако, в основе своей внутри предопределенного ему смыслового круга. Оно – эманационно напряжено и нагнетено и бурлит, кипит бесчисленными умными эманациями, подобно тому как само оно есть не что иное, как умная эманация самой вещи. Нужен какой-нибудь знак, какой-то сигнал, чье-то согласие, чье-то мановение воли, чей-то мельчайший волевой или мыслительный жест, чтобы эти эманации с необычайной силой и энергией пролились наружу, распространились вовне, оплодотворили и зародили бесчисленное количество новых вещей и имен и тем самым засадили и украсили мрачные и мертвые пустыни инобытия.

...Мы уже сказали, что нужен еще какой-то жест, чье-то еще мановение воли, чтобы имя осуществилось и стало жизнью. Диалектически это значит, что то понимание, которым оно в основе своей является, в свою очередь *кем-то должно быть понято*, кем-то должно быть намеренно переведено из потенции в энергию. Это может сделать сама вещь, которая носит данное имя; это может сделать и то, что окружает данную вещь и стремится общаться с нею. Важно только, чтобы было это новое понимание и наличие нового субъекта. Поэтому имя есть не просто понимание, но *понимание понимания*. Имя есть орудие не просто взаимопонимания, но сознательное и понимающее орудие взаимопонимания, *орудие понимания самого понимания*...

(Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 811–834.)

ТЕКСТ 2. В. В. ВИНОГРАДОВ. РУССКИЙ ЯЗЫК (ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ)

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

§ 3. Смысловая структура слова

Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной. Не подлежит сомнению, что понимание категории слова и содержание категории слова исторически менялось. Структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка. Но если даже отвлечься от сложных вопросов истории слова как языковой категории, соотносительной с категорией предложения, в самом описании смысловой структуры слова еще останется много неясного. «До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными», – заявлял Ф. де Соссюр, касаясь вопроса о слове. Лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая свою задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или внутренних (грамматических или лексико-семантических) признаков слова. При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. Являются «слова фонетические», «слова грамматические», «слова лексические».

...На фоне этих противоречий возникает мысль, что в системе языка слово есть только форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи. Оно есть «нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от «духа» данного языка»... Удобство этой формулы состоит в том, что она широка и раздвигчата. Под нее подойдут самые далекие грамматические и семантические типы слов: и слова-названия, и формальные, связочные слова, и междометия, и модальные слова. Ей не противоречит и употребление морфем в качестве слов...

Однако формула Сепира удобна, но малосодержательна. Она не уясняет ни предметно-смыслового содержания слова, ни способов выражения и кристаллизации этого содержания в слове. Она лишь направляет и обязывает к уяснению всех элементов смысловой структуры слова. Очевидно, что при всем многообразии грамматико-семантических типов слов в их конструктивных элементах много общего. Различны лишь сложность и соотношение разных смысловых оболочек в структуре слова, а также функциональное содержание и связанное с ним грамматическое оформление разных видов слов...

Не надо лишь придавать преувеличенное значение формальным противоречиям и переходным типам, а следует глубже вникнуть во все элементы смысловой структуры слова. Именно по этому пути шли такие замечательные лингвисты, как В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Н. Я. Марр, Л. В. Щерба.

При описании смысловой структуры слова рельефнее выступают различия между основными семантическими типами слов и шире уясняется роль грамматических факторов в разных категориях слов. Пониманию строя слова нередко мешает многозначность термина «значение». Опасности, связанные с недифференцированным употреблением этого понятия, дают себя знать в таком поверхностном и ошибочном, но идущем исстари и очень распространенном определении слова: «Словами являются звуки речи в их значениях» (иначе: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово»). Если бы структура слова была только двусторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия и представления, для всякого нового оттенка в мыслях и чувствованиях должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова.

В действительности же дело обстоит не так. «Великим заблуждением, – говорит Ф. де Соссюр, – является взгляд на языковой элемент просто как на соединение звука с неким понятием. Определить его так – значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов». Но в языковой системе и звуки речи значимы, осмыслены. На это указывал еще В. Гумбольдт. Правда, «лишь в редких случаях, – говорил В. Гумбольдт, – можно распознать определенную связь звуков языка с его духом. Однако даже в наречиях (того же языка) незначительные изменения гласных, мало изменяющие язык в общем, по праву могут быть относимы к состоянию духа народа...». По мнению В. Гумбольдта, связь звуковой формы с внутренними языковыми законами достигает высшего предела в проникновении их друг другом...

Однако только в относительно редких случаях звукоподражаний, звуковых метафор и своеобразных звуковых жестов естественная связь звука и значения очевидна непосредственно... Но опосредствованная внутренними отношениями языка как системы разнообразных смысловых элементов, она может быть открыта по разным направлениям. Само понятие фонемы и фонологической системы языка основано на признании громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка вообще и слова в частности. В этом отношении даже эксперименты футуристов не лишены принципиального значения. Ведь В. Хлебников искал «способа изучать замену значения слов, вытекающую из замены одного звука другим»...

...Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительных языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически. С точки зрения вещественных отношений связь между *стол* и *столовая*, между *гость*, *гостинец* и *угостить*, между *дуб* и *дубина*, между *жила* в прямом номинативном значении и глаголами *зажилить*, *ужилить* и т. д. оказывается немотивированной и случайной.

...В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры. Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков. Поэтому одно и то же русское слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп.

...Однако легко заметить, что далеко не все типы слов выполняют номинативную, или дефинитивную, функцию. Ее лишены все служебные слова, в смысловой структуре которых преобладают чисто грамматические значения и отношения. Номинативная функция чужда также междометиям и так называемым «вводным» словам. Кроме того, местоименные слова, хотя и могут быть названиями, но чаще всего являются эквивалентами названий. Таким образом, уже при анализе вещественных отношений слова резко выступают различия между разными структурно-семантическими типами слов.

Переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова обычно связывается с коммуникативной функцией речи.

...Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм; при этом, однако, слово не перестает быть единым, оно обычно не распадается на отдельные слова-омонимы. Семантической границей слова является омоним. Слово как единая система внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка. Внутреннее единство слова обеспечивается не только единством его фонетического и грамматического состава, но и семантическим единством системы его значений, которое, в

свою очередь, определяется общими закономерностями семантической системы языка в целом.

...В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо.... Итак, понятие о слове как системе реальных значений неразрывно связано с понятием грамматических форм и значений слова.

Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собой внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями...

...Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста. Выразительная сила присуща звукам слова и их различным сочетаниям, морфема и их комбинациям, лексическим значениям. Слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью.

Слово является одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерения сообщения.

...Все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике. В стилистической оценке выступает новая сфера смысловых оттенков слов, связанных с их индивидуальным «паспортом». Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу ее функциональных и жанровых разновидностей (письменный язык, устный язык, их типы, язык художественной литературы и т. п.). Дело в том, что развитый язык представляет собою динамическую систему семантических закономерностей, которыми определяются соотношения и связи словесных форм и значений в разных стилях этого языка. И в этой системе смысловых отношений функции и возможности разных категорий слов более или менее очерчены и индивидуализированы.

...Кроме того, необходимо помнить, что «периоды развития языка не сменяются поочередно, как один караульный другим, но каждый период создает что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями; применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения... Эти различные лексические и грамматические слои в каждой системе языка также подвергаются переоценке и приспособляются к живой структуре литературных стилей. Понятно, что

стилистическую переквалификацию проходят и лежащие за пределами литературного языка разные диалектные пласты речи. Конечно, указанием всех этих функций и оттенков смысловая структура слова не исчерпывается. Так, не приняты в расчет «приращения смысла», которые возникают у слова в композиции сложного целого (монолога, литературного произведения, бытового диалога) или в индивидуальном применении, в зависимости от ситуации. Широкая область употребления слова, разные оттенки эмоционального и волевого воздействия, жанрово-стилистические различия лексики – все это сознательно оставлено в стороне. Все разнообразие присущих слову возможностей фразеологического распространения также не было предметом настоящего рассмотрения. За норму взято слово, свободно перемещаемое из одного словесного окружения в другое, в совокупности его основных форм и значений. От значений слова необходимо отличать его употребление. Значения устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление – это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова.

(Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание второе. М., 1972. – С. 13 – 23.)

ТЕКСТ 3. К. ПРИГРАМ. ЯЗЫКИ МОЗГА

Речевой акт

Чем же тогда можно объяснить колоссальное различие между «языком» приматов и языком человека? Я полагаю, что ключ к этому можно найти в исследованиях афазии. У человека механизмы, создающие знаки и символы, объединяются в одно языковое устройство, но оно не обязательно является результатом ассоциирования знака и символа. Скорее, можно сказать, что возникает новый механизм, который дает возможность знакам функционировать в качестве лингвистических символов, а символам – в качестве лингвистических знаков.

Позвольте мне кратко сформулировать различие между знаком и символом, о которых мы говорили в предыдущих главах. Знаки – это обозначения, отражающие постоянные свойства воспринимаемого мира. Таким образом, знаки – это свободные от контекста образования, которые осмысливаются в результате воздействия на этот мир, обозначая и классифицируя его проявления. Символы образуются так же, как и знаки, в результате деятельности, но символ создает именно воспоминание об эффекте действия. Стало быть, символы – это зависимые от контекста образования, приобретающие свое значение на основе истории их применения и связанные с состояниями организма, пользующегося этими знаками.

Таким образом, знаки и символы – это акты, обозначения мира, сформированные организмом. Поэтому всякое увеличение способности действовать вызовет обогащение знакового и символического поведения. Я полагаю, что знаки и символы накапливались у человека одновременно как естественное следствие значительно возросшей у него способности к действию. Но, как мы видели, эти способности так тесно связаны со способностями формировать образы (особенно Образы результата), что, вероятно, лучше говорить о возросшей у него способности создавать всякого рода закодированные обозначения. Сформулированная таким образом проблема становится тавтологией: способность человека к языку является следствием способности человеческого мозга создавать закодированные обозначения, то есть язык. Однако тавтологии часто бывают прекрасными отправными точками для исследования.

Рассмотрим детальнее структуру человеческой речи, чтобы понять, что требуется структуре человеческого мозга для ее использования.

Человеческие языки обладают двумя основными характеристиками: они обеспечивают сохранение образца..., и являются продуктивными... Обе характеристики проявляются в наиболее простой форме в знаках и символах, которыми пользуются приматы. Но эти зачатки едва ли могут дать представление об их развитии у человека. Даже отсталый ребенок к пяти годам начнет составлять предложения, настолько превышающие возможности, доступные животным, что только на основании одного этого его можно причислить к роду homo.

Ребенок начинает общаться совсем так же, как приматы, при помощи так называемых голофраз – отдельных звуков, обозначающих что-то или символизирующих какое-то состояние. Хотя лингвисты не классифицируют голофразы таким образом, мои собственные наблюдения показывают, что существует два типа голофраз: более или менее продолжительное гуление и выразительные звуки, относящиеся к внутреннему состоянию ребенка, и более короткие, повторяющиеся, похожие на слоги звуки, часто сопровождаемые указательными жестами, относящимися к чему-то в том мире, который младенец видит, слышит, осязает или пробует на вкус.

Примерно к двум годам голофразы становятся более точными, а их отнесение к предметному миру – более ясным, пока наконец не появляются спаренные голофразы. Такие пары, а позднее последовательности выразительных звуков наблюдаются также в звуках. Издаваемых шимпанзе. Но ребенок быстро переходит к построению предложений, что до сих пор еще не наблюдалось в коммуникациях человекообразных обезьян.

Составление предложений развивается в связи с функцией, именуемой лингвистами *предикацией*. Предикация связана с другой функцией – функцией номинализации, или образования существительных. Путь развития от знаков... до имен существительных, обнаруживающийся при анализе речи человека, кажется достаточно простым. Несколько сложнее употребление глаголов, таких, как «бежать», «ловить», «течь», и других частей речи –

прилагательных, наречий, пока не наступит осознание того, что они также отражают формы существования и событий и поэтому являются формами номинализации. Глаголы – это названия действий, а не вещей, прилагательные и наречия – названия свойств, и разница заключается в количестве преобразований, в которых вещи, свойства и действия остаются неизменными.

Однако предикация исходит не только из форм существования и событий. Предикация формулирует убеждения, истинность или ошибочность происходящего, отражая их в форме предложений, правил и выражая согласие субъекта с этими положениями или их отрицание. «Черный – песок – вода» - это вереница высказываний, подобных голофразе, которые могла бы сделать шимпанзе, указывая на пляж на Гавайских островах. Я понял бы ее. Однако ребенок сказал бы: «Посмотри, песок *рядом* с водой черный». Он выражает убеждение, мнение. Его очень огорчило бы, если бы ему объяснили, что он жертва иллюзии, созданной нагреванием воздуха над покрытой асфальтом пристанью. Но было бы нелепо пытаться объяснить шимпанзе различие между предложениями: «Песок *рядом* с водой черный» и «Нагревание создает на асфальте иллюзию воды».

Иначе говоря, предпосылкой к предикации служит то, что я называл... символизацией. Предикация – это выражение человеком того, что для него в данный момент, в данных обстоятельствах данное событие выглядит именно так или иначе. Согласно этой точке зрения, предикация исходит из продуктивного процесса, относящегося всегда к контексту, то есть она отражает логическую операцию, группирующую суждения, модулируемые основной работой мозга. Одни группировки бывают правильны (да), другие – неправильны (нет). А иногда группирование становится настолько сложным, что лишь затем появляется отсроченное ощущение, что оно правильно.

Номинализация, основанная на создании знаков, обеспечивает обширную, свободную от контекста основу человеческого языка, например «человек», «животное», «пожиратель». Предикация, основанная на символизации, использует номинализацию и придает человеческому языку его продуктивность. Варианты группировок (человек пожиратель животного или животное пожиратель человека), воспринимающиеся как правильные, могут быть почти бесчисленными...

Лингвистические и голографические аспекты мышления

Человек пользуется языком как орудием достижения своих целей. Часто такой целью является всего лишь выражение собственного бытия. В других случаях он пользуется языком. Чтобы получить какую-то информацию или в целях контроля над окружающей средой. Иногда он использует язык и для анализа своего внутреннего мира, и для осуществления контроля над ним.

Мышление – продукт языка, но не только языка. Источник мышления – это длительное состояние активной неуверенности, которое может найти разрешение только путем согласования имеющихся образов. Иногда эти

образные решения очевидны, как в открытии Кекуле гексагональной структуры бензольного кольца. В сплетении музыкальных фраз у музыканта или в игре живописца с красками. Однако чаще такие неязыковые аспекты мышления не явны отчасти потому, что словесная коммуникация может быть гораздо более ясной.

Моя гипотеза заключается в том, что *всякое* мышление включает, помимо манипуляции знаками и символами, голографический компонент. Голографические изображения представляют собой прекрасные ассоциативные механизмы. Они успешно и мгновенно выполняют кросс-корреляционные функции. Именно эти свойства и приписываются мышлению в процессе решения задач – трудность состоит в том, чтобы выяснить, какой нервный механизм участвует в этом процессе. Эта трудность, как и постоянное использование мозгом голографических преобразований, является следствием другого свойства: голограммы образуются путем преобразований, которые при простом повторении, по существу, восстанавливают оригинал, из которого было составлено голографическое изображение. Голограммы – это «катализаторы мысли». Хотя сами они остаются неизменными, они входят в процесс мышления и облегчают его.

Согласно этой точке зрения, мысль – это поиск уменьшения неопределенности с помощью распределенной голографической памяти. То есть стремление приобрести необходимую информацию. Однако эта формулировка неточна, если термин *необходимая информация* не включает соответствующие структуры, а не только элементы, или биты» в смысле, который придается этому термину в теории информации. Когда задачи вызывают работу мысли, субъект чаще всего начинает искать контекстные и структурные соответствия, а не просто специфические единицы информации. По моему мнению, эти соответствия легче всего обнаруживаются, когда операция кодирования осуществляется в голографической форме. По-видимому, сила мышления при решении задач заключается в возможности неоднократно возвращаться к тем структурным образам, которые и обеспечивают функцию повторения и способствуют тому, что в памяти происходят дополнительные распределения следов. Некоторые из этих распределений вследствие корреляций с состояниями мозга, отличающимися от исходного состояния. Включаются в новые системы образов и представлений. Если их правильно использовать, они создают новые возможности для решения проблем...

(Прибрам К. Языки мозга. М., 1975. – С. 401 – 407.)